

Пономарева Дарья Васильевна

ДОН КИХОТ КАК ГЕРОИЧЕСКИЙ РОМАНТИК В ПЬЕСЕ М. БУЛГАКОВА "ДОН КИХОТ"

В статье анализируется образ Дон Кихота в одноименной пьесе М. Булгакова как образ героического романтика, стремящегося преобразовать действительность согласно высокому романтическому идеалу. Даже лишенный цели и возможности бороться, умирающий Дон Кихот - художник остается верен мечте, проходит испытание как носитель романтико-героической идеи, преодолевая внутренние сомнения и выдерживая столкновение с миром "других" в творческом бунте поэта и рыцаря.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/1/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (19). С. 146-148. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 800.899.82:09

Филологические науки

В статье анализируется образ Дон Кихота в одноименной пьесе М. Булгакова как образ героического романтика, стремящегося преобразовать действительность согласно высокому романтическому идеалу. Даже лишенный цели и возможности бороться, умирающий Дон Кихот - художник остается верен мечте, проходит испытание как носитель романтико-героической идеи, преодолевая внутренние сомнения и выдерживая столкновение с миром «других» в творческом бунте поэта и рыцаря.

Ключевые слова и фразы: Булгаков; пьеса; Дон Кихот; герой; романтик; творческая личность; рыцарь; поэт.

Дарья Васильевна Пономарева

Кафедра отечественной литературы

Южный федеральный университет

pomtarewa.dar@yandex.ru

**ДОН КИХОТ КАК ГЕРОИЧЕСКИЙ РОМАНТИК
В ПЬЕСЕ М. БУЛГАКОВА «ДОН КИХОТ»[©]**

В работах, посвященных изучению пьесы М. Булгакова «Дон Кихот», чаще всего внимание акцентировалось на автобиографичности образа Дон Кихота (А. Нинов, А. Кораблев), интерпретации проблемы рыцарства в пьесе (И. Григорай, В. Лакшин) и рассмотрении образа главного героя в контексте творчества писателя (О. Есипова, В. Лосев, Дж. Кертис). Цель нашего исследования заключается в анализе образа Дон Кихота как носителя идеи, обладающего целостной системой ценностей, с опорой на теории о модусах художественности и эмоционально-ценностных ориентациях. По нашему мнению, это позволит глубже понять специфику данного образа и природу переакцентуации донкихотовской ситуации в малоизвестной третьей редакции пьесы Булгакова.

Первая картина пьесы открывается сценой безумства Дон Кихота. Но после встречи с Санчо Пансой и Дульсинеей-Альдонсой Лоренсо «сумасшедший» идадьго преобразуется, нарочито карикатурные повторения книжных формул сменяются серьезными личностными призывами: «Летим по свету, чтобы мстить за обиды, нанесенные свирепыми и сильными беспомощным и слабым, чтобы биться за поруганную честь, чтобы вернуть миру то, что он безвозвратно потерял, – справедливость!» [3, с. 226]. Осознанный выбор прекрасного идеала в качестве основной ценности характеризует Дон Кихота как романтика: «Поэт и рыцарь воспевают и любят не ту, что создана из плоти и крови, а ту, которую создала его неутомимая фантазия! Я люблю ее такой, какой она являлась мне в сновидениях и, значит, столь ослепительной, что с ней никто не сравнится в мире! Я люблю, о Санчо, свой идеал» [Там же, с. 225]. Стремление же к активным действиям, направленным «на изменение мира в соответствии с определенным идеалом, который непременно осознается как возвышенный» [4, с. 17], недоверие к существующему миропорядку подчеркивают героичность ориентации Дон Кихота: «...этот печальный рыцарь рожден для того, чтобы наш бедственный железный век превратить в век золотой!» [3, с. 226]. Связь этих несоединимых, на первый взгляд, начал объясняется тем, что настоящий романтик, подсознательно чувствующий недостижимость идеала, периодически должен выходить на «твердую почву героики», «чтобы отдышаться» [4, с. 129]: «Я не хочу, чтобы меня терзали сомнения!» [3, с. 226]. Герой мечтает возродить «золотой век», то есть опирается на миф об идеализированном, никогда не существовавшем в реальности прошлом. Так, в образе Дон Кихота синтезируются две системы ценностей. Как герой он видит перед собой только светлое будущее, ради достижения которого можно пожертвовать «неправильным» настоящим, а как романтик к идеальному будущему Дон Кихот «летит на крыльях мечты», ориентируясь на «воспоминания» о «золотом веке» [4, с. 171]. Карнавально находясь на границе жизни и искусства, Дон Кихот проживает «вторую» жизнь, равноправно соединяющую идеально-утопическое и реальное. Для него «золотой век» так же действителен и конкретен, как окружающий мир, он стремится возродить «идеальную форму жизни на лучших началах», получающую «санкции из мира высших целей человеческого существования» [2, с. 12-14].

Именно оторванность героического романтика от «недолжного» настоящего усиливается гротескным мотивом безумия, использующимся здесь, «для того чтобы освободиться от ложной “правды мира сего”, чтобы взглянуть на мир свободными от этой “правды” глазами» [Там же, с. 58]. «Сумасшествие» идадьго, позволяющее «взглянуть на мир другими глазами, незамутненными “нормальными”, то есть общепринятыми представлениями и оценками» [Там же, с. 47], выявляет романтико-гротескную «камерность» [Там же, с. 45] образа одинокого и непонятого окружающими Дон Кихота - художника.

В то же время мир воспринимается рыцарем трагически как расколотый и противоречивый [4, с. 19]. Дон Кихот - герой стремится гармонизовать окружающую действительность на основе романтически возвышенной, но частной идеи, не охватывающей всей полноты универсума. Идеал Дон Кихота - творца воплощается в мечте о «воскресении прославленных рыцарей Круглого Стола» [3, с. 226], и он надевает карнавальную маску средневекового рыцаря, от которого героическое служение романтической мечте требует строгой самодисциплины и силы духа [4, с. 19]. Преследующие Дон Кихота темнота и сумрак напрямую связываются

в пьесе с полетом творческой фантазии, творческим озарением, отсылая к пониманию мастерства художника как демонического начала «в первичном, архаичном смысле этого слова» [7, с. 251-252]. Так, Дон Кихот предстает художником, вдохновленным высшей силой, приближающейся к природной стихии, которая наделяет творческую личность особой чуткостью к царящему в мире злу.

Односторонность героики Дон Кихота преодолевается романтическим знанием поэта «о множестве правд и идеалов» [4, с. 134], которое, например, позволяет рыцарю относительно спокойно вести беседу даже с Духовником, своим главным идеологическим противником в пьесе. Специфика романтической составляющей мироориентации Дон Кихота заключается в совмещении веры в непреходящую ценность прекрасного идеала и понимания его принципиальной недостижимости в реальном мире. В этой связи важную роль играет замена реального, зачастую невыполнимого, действия его символическим эквивалентом [Там же, с. 25]. Символическими действиями, в которых на первый план выходят высокое намерение и романтический порыв, оставляя результат на втором, являются практически все приключения странствующего рыцаря.

Двойственное положение делающего свободный выбор, но заранее обреченного на поражение романтика окрашивает путь Дон Кихота в трагические тона. Трагическое начало в образе рыцаря усиливается гротескно-романтическим мотивом судьбы как «чуждой нечеловеческой силы, управляющей людьми и превращающей их в марионетки» [2, с. 49]. Тем не менее герой благодарен судьбе, называя рыцарство «тревожным счастьем» [3, с. 236]. Свободный выбор собственной судьбы становится для Дон Кихота - художника в единстве вины и ответственности перед жизнью и искусством [1, с. 4] его самоопределением по отношению к миру, ответственной позицией, а путь героя приобретает черты сознательной жертвы.

В финале пьесы духовная борьба Дон Кихота за идеал обостряется, переключаясь с преодолением искусства и реализуясь в форме внутреннего разлада трагического героя, осознающего несовместимость мечты и действительности. Двойственность героического романтика фокусируется в традиционном романтическом мотиве томления героя по нереализованной мечте: «Тоска охватила меня при этой мысли, потому что я чувствую, что единственный день мой кончается» [3, с. 298]. В связи с этим понятна самоирония (романтическая ирония) побежденного рыцаря, продолжающего отрицать «околдованную» реальность, но уже не надеющегося ее изменить. «Нет, нет, я вам признателен. Вы своими ударами вывели меня из плена сумасшествия. Но я жалею, что эта признательность не может быть продолжительной», – говорит он Сансону Карраско [Там же, с. 303]. К ироническому кризису Дон Кихота приводит потеря единственной опоры в существующей реальности – цели, заключающейся в воплощении идеала, реальном преобразении действительности здесь и сейчас. Настоящим героического романтика была борьба, подвиг, т.е. активные действия по изменению мира. Лишенный мечты о будущем и «воспоминаний» о прошлом, Дон Кихот, поклявшийся «подвигам более не совершать и никуда не выезжать» [Там же, с. 296], теряет цель и смысл жизни, оказываясь в трагически разорванном мире и распавшемся времени, теперь на месте настоящего – пустота [4, с. 171]: «Когда Сансон вспугнул вереницу ненавистных мне фигур, которые мучили меня в помрачении разума, я испугался, что останусь в пустоте» [3, с. 303]. Бунт побежденного Дон Кихота против «недолжной» действительности раскрывается в трагическом расхождении героической (активной, рыцарской) и романтической (пассивной, поэтической) составляющих, гармонично сосуществовавших прежде. Как герой Дон Кихот должен следовать сознательно избранному пути, т.е. выполнять свой долг, а Дон Кихот - романтик, почувствовавший свое бессилие перед реальностью, но знающий о высшей правде, протестует против рабства долга и необходимости [4, с. 133]. Томление героя можно трактовать как результат узнавания-самораскрытия творческого «я» художника, оказавшегося намного шире героической «маски» средневекового рыцаря. Дон Кихот, побежденный в качестве рыцаря, остается поэтом, осознающим вечное противостояние реальности и священного идеала, который зачастую оказывается неосуществимым в своем «небесном», отвлеченном от реалий жизни, варианте. Думается, что именно с этим связана «несовместимость» средств и цели Дон Кихота. С оружием в руках рыцарь-борец хочет возродить «сверкающий век», «когда люди, мирно сидя... щедро делились друг с другом тем, что им послала благостная, ни в чем не отказывающая природа» [3, с. 235].

В заключительной картине доминирует драматическое мироощущение Дон Кихота, усиленное необходимостью трагического выбора. Как известно, обе эстетические категории (драматизм и трагизм) утверждают избыточность внутренней данности «я» относительно внешней данности героя [5, с. 36-52]. Переживающий кризис сомнения Дон Кихот как поэт чувствует «истину единения», мечтая о «золотом веке», но как герой не может существовать в гармонии с существующей действительностью, не сумев в распавшемся универсуме отыскать путь к своей мечте [4, с. 14]. Драматический конфликт реализуется в столкновении Дон Кихота и мира «других», не принимающих рыцаря-поэта. Булгаков, акцентируя внимание на возможности реализации творческой личности в условиях непонимания и даже гонения, ставит своего героя перед проблемой сохранения целостности избыточного творческого «я» поэта и воина, борющегося за свои идеалы в самых тяжелых обстоятельствах. Столкнувшись с враждебной системой ценностей «других», карнавалльно-игровое переплетение искусства и жизни разрушается. Дон Кихот оказывается в ситуации неизбежного выбора между искусством и действительностью, который приведет в конечном итоге к иерархическому подчинению одного другому: смириться или бунтовать. Преодолевая сомнения творческим бунтом, Дон Кихот, заполняя образовавшуюся пустоту, вновь входит в творческую жизнь-игру в искусстве, «когда Судьба неодолима, но не всевластна», становясь для самого себя «собственной художественной формой» [6, с. 70]. На первый план выдвигается вера в непреходящую ценность высшей карнавалльной правды. Дон Кихот, окончательно стирая границы между искусством и действительностью, фактически снимает «все ограничения, связанные со смертью человека как делом не *его* воли» [Там же, с. 71], он, жречески предвидя, поэтизирует собственную смерть:

«Я ее предчувствовал и ждал сегодня с утра. И вот она пришла за мной. Я ей рад! <...> Но вот она пришла и заполняет мои пустые латы и обвивает меня в сумерках...» [3, с. 303]. Возможно, поэтому получивший в сражении с Сансоном «незначительные» повреждения рыцарь быстро умирает, будто от смертельной раны.

Таким образом, Дон Кихот как героический романтик верит в прекрасный идеал до конца, но лишенный цели, сил и возможности бороться умирает, потому что не смог воплотить его в жизнь. Смерть Дон Кихота, обнаруживающую черты преодоления внутреннего разрыва трагического героя с реальностью, отстаивания внутренней свободы в творческом акте художника-бунтаря, можно назвать и последним боем не свернувшего с «крутой дороги» рыцаря, поэта и воина. Решительная воинственность героя, «человека жизни», который «знает, что в бесплодности искусства виновата его нетребовательность» к жизни, и ответственность романтического поэта, который «помнит, что в пошлой прозе жизни виновата его поэзия» [1, с. 3], выдерживая испытание, гармонично сливаются в верности Дон Кихота - художника своему идеалу, неразрывному единству мысли и поступка.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 543 с.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
3. Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 8-ми т. СПб.: Азбука-классика, 2004. Т. 7. Блаженство. 864 с.
4. Касаткина Т. А. Характерология Достоевского: типология эмоционально-ценностных ориентаций. М.: Наследие, 1996. 336 с.
5. Тюпа В. И. Художественный дискурс. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2002. 80 с.
6. Худенко Е. А. Жизнетворческие стратегии в русской литературе XIX-XX вв.: романтизм и символизм // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 6 (25). С. 68-71.
7. Яблоков Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова. М.: Языки славянской культуры, 2001. 424 с.

DON QUIXOTE AS HEROIC ROMANTIC IN PLAY "DON QUIXOTE" BY M. BULGAKOV

Dar'ya Vasil'evna Ponomareva
Department of Native Literature
South Federal University
ponomarewa.dar@yandex.ru

The author analyzes the image of Don Quixote in the similar play by M. Bulgakov as the image of the heroic romantic, aspiring to transform the reality in accordance with high romantic ideal. Even devoid of purpose and opportunity to fight, dying Don Quixote - artist remains loyal to his dream, passes the trial as the bearer of romantic-heroic idea, overcoming internal doubts and surviving the collision with the world of "other" in the creative rebellion of poet and knight.

Key words and phrases: Bulgakov; play; Don Quixote; hero; romantic; creative person; knight; poet.

УДК 81

Филологические науки

В статье рассматривается вопрос о когнитивной сущности этапа понимания текста переводчиком с позиций фреймовой семантики, когнитивной лингвистики и когнитивной транслатологии. Проводится анализ существующих концепций, раскрывающих особенность накопления, активизации и обработки знания переводчиком. Автор уделяет особое внимание раскрытию принципа фреймовой составляющей этапа понимания, его эвристической и интегративной сущности.

Ключевые слова и фразы: фрейм; сценарий; когнитивная транслатология; понимание; перевод; репрезентация знаний.

Ирина Николаевна Ремхе, к. филол. н.
Кафедра английской филологии и перевода
Магнитогорский государственный университет
irinaremkhexxx@gmail.com

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНОЙ СУЩНОСТИ ПОНИМАНИЯ КАК ЭТАПА ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОЦЕССА[©]

В современный период развития когнитивной транслатологии широко отмечается переосмысление сущности основных процессов переводческой деятельности. Классическое рассмотрение последовательности языковых трансформаций с учетом вербальных форм представления языка сменяется представлением перевода как